

Валявин Д. К.

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
E-mail: wodyanoj@yandex.ru

ПРОГРАММА ОФОРМЛЕНИЯ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА В ЧЕСТЬ КОРОНАЦИИ АЛЕКСАНДРА I И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Исследование посвящено народному празднику, устроенному в сентябре 1801 года в Москве в честь коронации Александра I. Предпринята попытка выяснения истоков и образного содержания программы архитектурного оформления праздничного пространства.

Ключевые слова: архитектура малых форм, усадебная культура, театрализация, народный праздник, коронация.

Традиционным элементом коронационных торжеств в России на протяжении двух столетий неизменно являлось угощение для народа. Этот обычай имел глубокие корни и относился, возможно, еще к языческим временам. По-видимому, в дохристианской Руси он был связан с определенными обрядовыми действиями при вокняжении. Позднее, при вступлении на престол русских монархов, этот обряд исполнялся уже в силу традиции. В числе других подобных обычаев, сопровождавших церемонию венчания на царство, данный обряд благополучно дожил до начала XVIII века. Во время проведения первой в России коронации супруги Петра I Екатерины Алексеевны в 1724 г. о нем не было забыто. В тот самый момент, когда в Грановитой палате проходил торжественный обед для знати, на Соборной площади для народа были установлены фонтаны бившие красным и белым вином, жареные быки и многое другое. На протяжении всего XVIII века угощение для народа неизменно сопутствовало всем коронациям. Местом его проведения неизменно была Соборная площадь. Затейливые барочные формы фонтанов, украшенных аллегорическими фигурами, придавали всему этому действу соответствующую моменту торжественность. Оно проходило в архитектурном пространстве окружающих площадь зданий и уже содержало отдельные элементы народного праздника: выступления канатоходцев и другие развлечения. Начиная с коронации Павла I, угощение для народа было вынесено за пределы Кремля. Столы с яствами были расставлены прямо на улице от Никольских до Красных ворот. В Кремле император с приближенными, поднимав-

шись на возвышенное место (возможно, это была башенка-смотрильня Теремного дворца), «изволили смотреть имеющих по проспекту для разной черни с кушаньем столов, во время коих, тот народ кричал «ура» [1, с. 43].

В начале XIX века рассматриваемый нами обычай претерпел существенную трансформацию. Во время коронации Александра I в сентябре 1801 года угощение для народа окончательно приняло форму народного праздника, который был устроен не в центре города, как прежде, а на окраине Москвы. Местом его проведения было избрано обширное Сокольническое поле, расположенное относительно недалеко от Слободского дворца, новой императорской резиденции, куда после коронации переехал Александр I. Оформление праздника было поручено архитектору Василию Петровичу Стасову¹. Сохранилось несколько документальных свидетельств о празднике для народа 1801 года. Подробно о нем рассказал непосредственный участник события Генрих Фридрих фон Шторх в своем сочинении «Россия при Александре Первом» [3]. «Вообразите огромную площадь, на которой легко могут поместиться сто тысяч человек и от пяти до шести тысяч экипажей. Площадь окружена невысоким валом, образующим почти правильный круг. Внутри, вдоль всего вала, путь для проезда. Высокие столбы отмечают его въезды, а протянутый на столбиках канат разделяет его на две части: для едущих вправо и для едущих влево. Каждое из отделений настолько широко, что могут ехать две кареты с промежутком для верховых². Внут-

¹ Свой проект оформления праздника подготовил и известный архитектор Дж. Кваренги. Но его проект или запоздал, или не был принят из-за сложности осуществления по сравнению с проектом Стасова. См. [2, с. 86].

² Дороги для карет имели двенадцать въездов. Главные из них, задававшие две центральные оси овала, были отмечены особо: «При четырех разрезах площади поставляются трофейные столбы иobelisks, а под ними на тумбах надпись позволения веселится без обиды другого» [4, л. 2]; [5, с. 286].

ри круга образуемого таким экипажным путем построены галереи и ложи для зрителей, но на расстоянии, одна от другой, пятидесяти саженьей, чтобы не загромождать вида для находящихся на экипажном пути. Эти ложи окружают место собственно народного гулянья. Ложи настолько обширны, что большая часть их, под галерею вмещавшую от 50 до 100 человек имели внизу еще помещения для кухни, прислуги и т. под. Ложи по большей части отделаны с большим вкусом, раскрашены разными цветами, убраны коврами и пестрыми настилками, наполнены разодетыми зрителями. Легко понять какой приятный эффект все это должно было производить. Место народного гулянья окружено все сплошным рядом столов. Каждый стол состоит из двух досок на вбитых в землю столбах. Столы покрыты полотном и уставлены народными кушаньями. В столах воткнуты березки, на ветках которых привязаны яблоки.

Пространство внутри круга столов еще настолько велико, что глаз едва может его обозреть. Здесь на некотором расстоянии один от другого поставлено 28 зданий: павильоны, храмы, развалины, мосты, турецкие шатры, башни и т. д., не сколоченные кое-как из досок, но тщательно построенные, отчасти обтянутые полотном и раскрашенные яркими цветами. На столбах висели разные яства; из башен и павильонов било струею вино в подставленные чаны. Вертятся горизонтальные и вертикальные качели. Здесь народ дивится танцору на канате, там смотрит цыган в римском костюме. Близ немых восковых фигур гремят трубы и литавры. Хорошенькие цыганки показывают свой пленительный талант в танцах. Величественная роговая музыка тешит ухо. Словом, все живет, движется, наслаждается на этой живописной сцене» [6, с. 18–19]³. Имеется небольшое собрание чертежей В.П. Стасова, относящихся к 1801 году, на которых представлен проект оформления Сокольнического поля: Стасов В.П. «Проект гуляния на Сокольничьем поле в честь

коронации Александра I». Альбом чертежей. 1801 г. [4]. В их состав входят виды на проектируемые сооружения с четырех разных сторон и план всего комплекса, сопровождающийся подробной экспликацией. Позднее архитектор в одном из документов изложил краткую программу празднества [7, с. 109]. Она являлась наглядным отражением культуры своего времени. Однако идеи, заложенные в ней, значительно глубже, чем может показаться на первый взгляд.

С петровского времени в России для пропаганды государственной политики использовались аллегорические композиции во время триумфальных шествий, фейерверков и т. п. Так продолжалось вплоть до царствования Екатерины II. При вступлении ее на престол было устроено в Москве грандиозное многодневное действо «Торжествующая Минерва», в котором в аллегорической театрализованной форме была представлена перспектива грядущего царствования. Вскоре, однако, барочные аллегории были Екатериной отвергнуты. Об этом она недвусмысленно заявила, составляя программу празднества в честь заключения с Турцией Кучук-Кайнарджийского мира, которое должно было проходить на Ходынском поле. В письме к своему постоянному европейскому адресату барону Ф.-М. фон Гримму от 7 апреля 1775 года она писала: «Был составлен проект празднеств, и все одно и то же как всегда: храм Януса, да храм Бахуса, храм еще, не весть какого дьявола, все дурацкие, несносные аллегории, и притом в громадных размерах, с необычайным усилием произвести что-нибудь бессмысленное» [9, с. 34]. Но совсем, как справедливо замечает автор статьи о Ходынских торжествах М.И. Домшлак, Екатерина от аллегорий не избавилась. И это, добавим, были уже совсем другие аллегории. Программа данного празднества, как нам кажется, в какой-то мере послужила образцом при составлении программы рассматриваемого торжества.

³ Вот для сравнения также описание празднества, данное В.П. Стасовым: «Сооружение, выстроенное для увеселения и угощения народа на 300 000 человек для праздника в честь благословенных дней коронации счастливо царствующего императора Александра I. Это сооружение имело форму овала, длиной в одну милю, и было окружено земляным парапетом с сиденьями; площадь внутри была разделена на 12 частей, где были поставлены столы с угощением, которые образовывали геометрические формы; посреди столов были устроены аллеи из деревьев, в местах пересечения аллей на площадях были установлены 30 павильонов в виде храмов различных древних и современных народов; эти храмы в первых этажах содержали прохладительные напитки, а выше были устроены террасы и балконы, которые служили для показа народу различных игр и танцев. Вокруг было расположено шестнадцать укрепленных галерей для пяти тысяч избранной публики, а снаружи устроены две дороги для десяти тысяч карет таким образом, чтобы они двигаясь по кругу, могли бы наблюдать веселье народа, не выезжая за линию и не причиняя народу никакого стеснения». См. [7, с. 109], [8, с. 19–20].

В самом деле, взглянув на «Перспективный план Ходынского поля с павильонами» [9, с. 38–39], можно заметить определенные черты сходства. Здесь, быть может, впервые в структуру народной ярмарочно-балаганной культуры активно были введены элементы, характерные для классицистической дворянской усадебной культуры, вступавшей в тот период в пору своего расцвета. В построении архитектурной композиции праздника доминирует географический принцип. Пространство, на котором он разворачивался, должно было представлять территории, отвоеванные Россией у Турции. Павильоны, имевшие причудливые формы, обозначали присоединенные к Российской империи крепости и города. Здесь были ярмарка, театр, а также угощение и развлечения и для представителей привилегированного сословия, и, отдельно, для народа. «В отведенном ему углу поля были фонтаны вина, лежали целые жареные быки, лазили по канату бухарцы, крутились качели, «составлялись из людей пирамиды» и кувыркались итальянские акробаты-балансеры» [9, с. 36]. Словом здесь присутствовали все основные элементы праздника в честь коронации Александра I. Определенное сходство можно установить и по иным критериям. Так, соблюдался принцип иерархичности: дворянство и народ по возможности были разведены друг от друга. Налицо была доступность монарха своему народу (хотя бы только для так называемой «чистой» публики, присутствовавшей на празднестве). Можно было, прогуливаясь по галерее, окружавшей один из павильонов, непосредственно лицезреть императрицу, расположившуюся в центральной его части.

«Здесь все носило характер зрелища...», — отмечает М.И. Домшлак, подчеркивая присутствие столь свойственного XVIII веку в целом и культуре просвещения в частности такого явления, как театральность [10, с. 5–18]. В пространстве праздника на Ходынском поле театральная коснулась прежде всего своеобразных его декораций — павильонов, внешние формы которых вовсе не отражали их основной функции. Такая, если можно так выразиться, архитектурная «костюмизация» целиком работала на идею праздника и призвана была раскрыть перед зрителями его программу.

Грандиозное действо, состоявшееся в Москве и оформленное двумя выдающимися архитекторами своего времени В.И. Баженовым и М.Ф. Казаковым, имело определенный резонанс в дворянской среде и произвело в плане архитектуры немало подражаний. Пространство дворянской усадьбы являлось благоприятной средой для проведения подобных, хотя и не столь масштабных, празднеств. Тот самый «игровой принцип» [11, с. 117–133], что был в свое время столь свойственен стилю рококо, нашел свое место и в классицистическую эпоху. В усадебных парках полагалось возводить постройки в китайском, турецком и других экзотических стилях. В садовом искусстве этого времени присутствовало и другое, «глубоко имманентное» ему свойство, «служить моделью идеальной картины мироздания» [12, с. 39–46]. Наряду с этим, неотъемлемыми элементами дворянской культуры как в России, так и за ее пределами становятся к концу XVIII в. путешествие или его миниатюрное подобие — прогулка. Усадебный принцип «Вселенной на десятине» позволял сочетать во время прогулки по парку фантазийное путешествие по экзотическим странам со столь же воображаемым погружением в прошлое⁴.

В программе праздника для народа 1801 г. можно проследить определенные следы влияния усадебной культуры. Здесь «на живописной сцене» в роли традиционных фонтанов для вина выступали павильоны в виде греческого или итальянского храма, египетской пирамиды, китайской пагоды и некоторых других построек, столь привычных в пространстве пейзажного парка. При разработке своего проекта архитектор В.П. Стасов, по-видимому, использовал некоторые, довольно распространенные в его время, труды по садово-парковому искусству. Так, можно указать на вышедшее незадолго до этого популярное издание, предназначавшееся для владельцев усадеб [15]. Приведенное в нем изображение одного из павильонов, именуемого «Садовая беседка», поразительным образом напоминает павильон, помещенный Стасовым на его чертеже под названием «Русский шалаш» [16, с. 260], [4, л. 4], [5, с. 287].

Располагаясь среди столов с угощением, наряду с качелями, каруселями и другими обычны-

⁴ См. [13, с. 18–25], [14].

ми народными развлечениями, павильоны выполняли свою определенную и очень важную функцию в театрализованном пространстве праздника. Совсем не случайно их расположение строго по сторонам света относительно центра овала. Названия павильонов, отсылающие к различным странам и народам, задают как этнографическую, так и географическую ось, главные ветви которой это запад и восток, Европа и Азия. Несомненно, подобный географический аспект имеет определенную долю условности. К западу от центра овала находились греческий и итальянский павильоны, возможно, символизировавшие Европу. Восток представляли, располагавшиеся с противоположной стороны, китайский, турецкий и египетский павильоны. Первый, возможно, обозначал собой Дальний Восток, а два вторых – Ближний. Кроме того, турецкий павильон имелся также и на западной стороне. Возможно, он демонстрировал турецкие территории в Европе. Важно отметить, что каждый из названных павильонов был оформлен с тем расчетом, чтобы зритель мог его легко опознать. Их устоявшиеся к тому времени типы можно было найти в широко распространенных тогда руководствах по архитектурному проектированию и садоводству. Так, греческий павильон представлял собой классический периптер, итальянский – ротонду, египетский – пирамиду, китайский – пагоду, турецкий – киоск и т. д.

В южной части поля были помещены русский и сибирский павильоны, знаменовавшие, как можно предположить, европейскую и азиатскую части России. Они располагались справа и слева от павильона «в пальмовых деревьях», русский – на запад, а сибирский – на восток. Россия, таким образом, оказываясь вписанной в мировое пространство, объединяла Запад и Восток. Южное направление следует признать главным. К югу от поля, где устраивался праздник,

располагался Слободской дворец, со стороны которого императорский кортеж вступал в праздничное пространство и двигался по специальной дорожке, проложенной посередине поля⁵.

Первыми перед теми, кто сопровождал императора, возникали три павильона: «Русский шалаш», «Павильон в пальмах» и «сибирский балаган». «Павильон в пальмах» задавал триумфальную тему (пальма также была знаком изобилия и долголетия)⁶, а расположенные по обе стороны от него павильоны, как уже говорилось, по-видимому, символизировали Россию. Интересно, что у И.-Г. Громанна павильон похожий на «Русский шалаш» именуется просто «Садовая беседка». Название, таким образом, было дано разработчиками программы празднества преднамеренно. Но вместе с тем все три павильона являли собой сооружения до определенной степени несовершенные. Слагающие их каркасные конструкции, использование в качестве опор древесных стволов словно отсылают к тем первоначальным постройкам, столь еще тесно связанным с миром природы, от которых, по мнению людей того времени, и происходит совершенная и развитая архитектура⁷.

Ее образцы можно видеть, если двигаться дальше на север. Слева перед зрителями предстали «италианский» и «греческий» храмы, выполненные во вкусе правильного классического зодчества. Они напоминали о столь ценном в эпоху классицизма античном идеале. Справа же располагаются образцы неправильной архитектуры: китайская пагода, турецкий павильон и египетская пирамида. Это тоже в своем роде выдающиеся создания, но создания иного, неправильного, вкуса. Как указано в одном из архитектурных руководств того времени: «В Китае строятся дома внутри и снаружи и хорошо их убирают; но не знают Греческой и Римской Архитектуры. Сей Азийский край есть осо-

⁵ «Въезд особенной, продолжающийся сквозь площадь по средине для Высочайшей фамилии». См. [5, с. 286–287].

⁶ Вот как об этом говорится в статье «Пальмовое дерево», включенной в Иконологический лексикон И. Акимова: «Греки давали ветвь сего дерева тем, кои оставались победителями на Олимпийских играх. Римские полководцы, когда въезжали в город с триумфом, тогда держали они в руках также Пальмовую ветвь: чего ради Пальма всегда почиталась обыкновенным знаком победы. Оное дерево употреблялось также знаком Плодородия, потому что Пальма весьма много плодов приносит. На медалях Римских Императоров часто представлялась Пальма, для показания, что они доставляли Империи изобилие. Пальма изъясляла также продолжение империи; ибо сие дерево весьма долго пребывает» [17, с. 217].

⁷ Ср.: Н.М. Карамзин: «Густые, сросшиеся ветви были образцом первой хижины и основанием архитектуры» [18, с. 127]; А.А. Писарев: «В самом начале своею зодчество ограничивалось построениями каких-нибудь укрытий или низменных шалашей; дерево и глина были первыми веществами, пещеры и логовища зверей первыми образцами» [19, с. 81]; И.И. Лем: «Начали делать из ветвей шалаша, рыть в горах пещеры, смотря на птичьи гнезда, плести из прутьев хижины и обмазывать их глиною, и, натывав в землю кольев, оплетать плетнем, окладывать из глины глыбами, покрывать хворостом, листьями или корою. <...> Первые образцы Архитектуры были одни естественные, взятые от примера и подобия деревьев, цветов и прочих видов самой природы» [20, с. 1–2]. Цит. по: [21, с. 15, 282–283].

бый управляемый совсем другим вкусом и другими правилами. Располагают там выгодно, но просто. Китайцы могли бы занять просвещение от Европейских Архитекторов, но презируют и не хотят иметь их образца...» [22, с. 9].

Турецкая архитектура, по мнению автора, также «доказывает невежество и варварство строителей». Но вместе с тем он полагает, что «турки не превосходят наружным украшением зданий, но не уступают Европейским архитекторам в искусстве делать оныя приятными и спокойными...» [22, с. 6]. По поводу египетской постройки можно вспомнить высказывание В.И. Баженова: «Египтяне первые привели архитектуру во презрядный порядок, но не довольствуясь только хорошим вкусом и пристойным благолепием первоначальным, едину огромность почитать начали, от чего и пирамиды их, возносяся к небу, землю отягощают, гордяся многолетними и многонародными трудами и многочисленною казною» [23, с. 92].

Еще один образец неправильной архитектуры – «Готическая аркада» – замыкает перспективу с севера. Готическая постройка символизирует деградацию правильной архитектуры, отклонение от классицистической нормы, служит напоминанием об опасности такого отклонения⁸. С ней соседствуют павильоны-руины. Один из них обозначен как «мост с беседкой» или «мост-руина», другой же именуемый просто «руиной», имеет также название «древний павильон». Эти постройки напоминают о бренности бытия и знаменуют собой память о прошедшем. Как пишет И.М. Лем, «одна только история и развалины сохраняют память древних времен и вкуса каждого века, коего следы приметны» [24, с. 10]. Итак, прогулка вдоль павильонов с юга на север превращается в путешествие во времени. От становления архитектуры через ее зрелые образцы к символу бренности – руине. Последняя служит напоминанием о том, что ожидает, в конце концов, и примитивный шалаш, и совершенные постройки. Так история соединяется с географией. Важно от-

метить, что подобная организация пространства не является уникальной и характерна как раз для усадебной культуры того времени. Г.В. Вдовин отмечает: «Во всяком усадебном пространстве и формально-архитектурное решение и семантика среды подчинены осевой организации (север – юг, запад – восток)» [25, с. 182]. Говоря об Останкинском дворце и отмечая наличие у него западного «Итальянского» и восточного «Египетского» павильонов, исследователь обращает внимание и на движение к усадьбе по оси юг – север (от Москвы к Останкино). Ось запад – восток знаменует, таким образом, этнографическую составляющую усадебного пространства, а ось юг – север – по крайней мере, в нашем случае – хронологическую.

В экспликации к планам «Расположение столов и народного увеселения в Москве на Сокольничьем поле» [4, л. 2–3] указано при наименованиях павильонов, что в расположенных в верхней их части балконах должны были размещаться музыканты и «балеты сих наций». То есть в дополнение к внешнему облику павильонов их символическое значение раскрывалось и усиливалось посредством театрализации. В отличие от «разнонародных» павильонов павильоны-руины предназначались для «балетов древнего времени», что подчеркивало их соотнесенность с хронологической осью⁹. Если исходить из вышеизложенной схемы, то подобная композиция, возможно, должна была служить указанием на особую миссию России, которая на тот момент находилась в стадии становления. Вспомним, что именно так оценивались и первые годы XIX века, которые рассматривались как «дней Александровых прекрасное начало».

Праздник был вынесен за пределы города, и место, где он проходил, соседствовало с обширным лесным массивом. Наличие деревьев, выстроившихся в аллеи¹⁰ и парковых павильонов, столь характерных для садов рассматриваемого времени, превращало пространство праздника в пространство усадебного парка. В последней четверти XVIII века в России все большее раз-

⁸ «Когда готы овладели Италией, они, привыкнув к великолепию зданий римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды и, без всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новый род созидания, который по времени получил от искусных, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство» [23, с. 92].

⁹ Заметим попутно, что временная составляющая была уже изначально заложена в структуре павильонов, служивших фонтанами для вина. Ведь фонтан, «важная примета культуры XVIII века», есть «символ времени». См. [26, с. 26].

¹⁰ Кроме того, «фигурные столы для яств», как указано в экспликации к плану, были украшены березками с яблоками и «фестонированы зеленью» [4, л. 2].

витие получает английский пейзажный садовый стиль, со своей особой эстетикой. Прогулка в таком пейзажном саду предполагала постоянную смену впечатлений, переход от одного объекта к другому. Все это, как мы уже имели возможность заметить, вполне присутствует в пространстве народного праздника 1801 года. Пусть в достаточно редуцированном виде оно тем не менее сохраняло все особенности пейзажного сада, который не случайно называют садом английского либерализма¹¹. По мнению некоторых исследователей, именно усадебный пейзажный сад воплощал идею свободы и равенства, столь значимых в рассматриваемую эпоху.

Ярмарочно-балаганная составляющая народного праздника позволяла по-своему выразить ту же идею. Именно на ярмарке «можно было услышать свободное слово, вольную речь крестьянина и мастерового» [27, с. 10]. Там происходила «большая встреча» дворянства с народом [27, с. 10], так же как это было на многочисленных в то время народных гуляниях. По своей форме праздник на Сокольническом поле как раз и напоминал такое народное гуляние¹². Несмотря на ярко выраженную иерархичность пространства здесь также можно проследить определенную тенденцию, связанную с идеей равенства всех сословий. Наряду с характерными для ярмарок цыганскими песнями и плясками, выступлениями балансеров, вольтижеров, канатоходцев и плясунов, традиционными качелями и каруселями, среди развлечений также присутствовали духовая и роговая музыка, восковые фигуры и куклы-автоматы, рассчитанные на более искушенную публику. Вместе с тем не стоит забывать, что те самые павильоны, о которых речь шла выше, столь привычные для усадебной культуры, выступали в роли фонтанов (для вина и других напитков) или как их называет В.П. Стасов — буфетов, предназначенных для угощения народа. Центральную часть праздничного простран-

ства занимал специально построенный для выполнения акробатических упражнений на лошади «террас для вольтижера обнесенной парапетом», над которым на «гросс мачте» развевались флаги и вымпелы с императорским вензелем и российским гербом. Все это свидетельствует о преобладании простонародной составляющей описываемого действия, что совершенно естественно для народного праздника.

Наряду с возможностью находиться среди гуляющего простонародья, разночинцев и купечества, дворянство, тем не менее в соответствии с присущей российскому обществу того времени сословной системой, могло занять особое положение на периферии праздничного пространства. То есть дистанцироваться, подчеркнув тем самым свое превосходство. Совершая прогулку в экипаже по кольцевым дорогам для карет, охватывавшим со всех сторон место для гуляния, представители привилегированного сословия могли обозревать вышеназванные павильоны и другие временные сооружения и наблюдать за тем, что происходило внутри овала во время праздника. Подобное лицемерие предполагало некое действие, разворачивавшееся перед наблюдателем. Думается, не случайным было размещение по периметру всего огромного амфитеатра галерей с ложами «для пяти тысяч избранной публики». Дворянство, таким образом отделенное от народа, находясь в привычной для себя позиции, в соответствии с иерархической структурой общества, выступало в роли основного зрителя, перед которым на «живописной сцене» разворачивался красочный «спектакль», непосредственным участником которого был развлекающийся простой народ.

Однако если не принимать во внимание выступавших на специальных площадках профессиональных артистов, как такового «площадного действия» здесь не было [30]. Здесь каждый мог быть зрителем, наблюдающим за выступлением профессионалов или гуляющей публикой. То есть происходила как бы двойная

¹¹ «Пейзажный парк был изобретен философами, писателями и знатоками искусств – не архитекторами и садоводами. Он был изобретен в Англии, ибо этот сад английского либерализма, а Англия именно в этот период стала либеральной, т.е. Англией вигов». N. Pevsner. *Studies in Art, Architecture and Design*. New York, 1968. Vol. 1. P. 100. Цит. по: [15, с. 155-156].

¹² Согласно выпущенному в 1805 году IV тому «Словаря географического Российского государства...» в Москве в начале XIX века в течение года проходило 38 гуляний. См.: [28, с. 275]. Наряду с подмонастырскими гуляниями и другими привычными местами, упоминаются подобные развлечения и в усадьбах: Кусково, «на Гороховом поле, в Демидовском и разумовском садах», а «сверх того чрез все лето при хорошей погоде ежедневно на валу Белого города, между Тверских и Никитских ворот», т.е. на не так давно разбитом Тверском бульваре. Именно бульвар, своеобразная производная от усадебного парка, наиболее соответствует по своему характеру рассматриваемому гулянию на Сокольническом поле, в том числе и той особенностью, которую отмечает Н.М. Карамзин по отношению к Тверскому бульвару: «наш бульвар скуп на тень и до крайности щедр на пыль...». [29, с. 262].

Рисунок 1. «Вид павильонов и терасов народного увеселения с полуденной стороны». Вариант: Вид павильонов с южной стороны

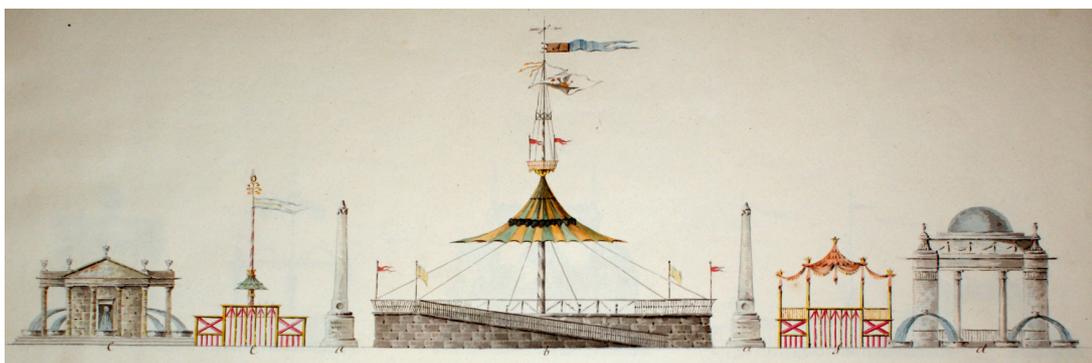

Рисунок 2. «Вид павильонов и терасов народного увеселения с западной стороны». Вариант: Вид павильонов с западной стороны

Рисунок 3. «Вид павильонов и терасов народного увеселения с полуночной стороны». Публикуется впервые. Вариант: Вид павильонов с северной стороны. Публикуется впервые

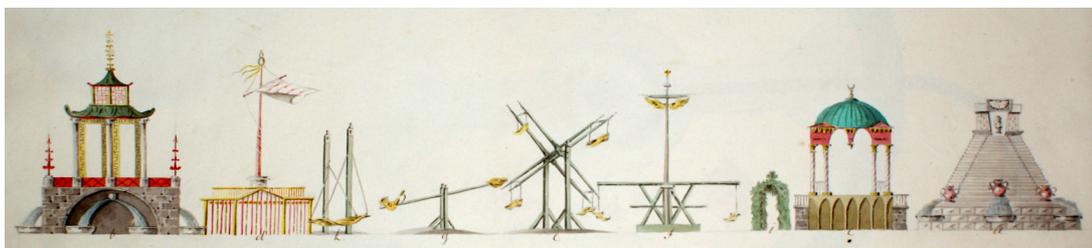

Рисунок 4. «Вид павильонов и терасов народного увеселения с восточной стороны». Вариант: Вид павильонов с восточной стороны

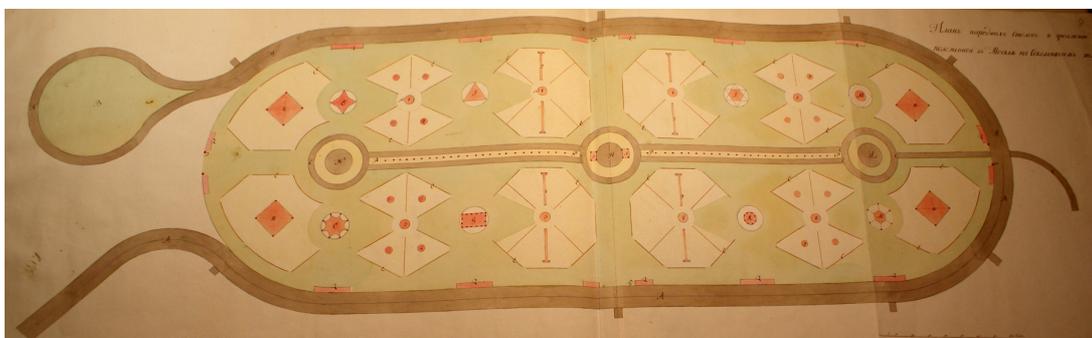

Рисунок 5. «План народных столов и увеселений расположенных в Москве на Сокольничьем поле»

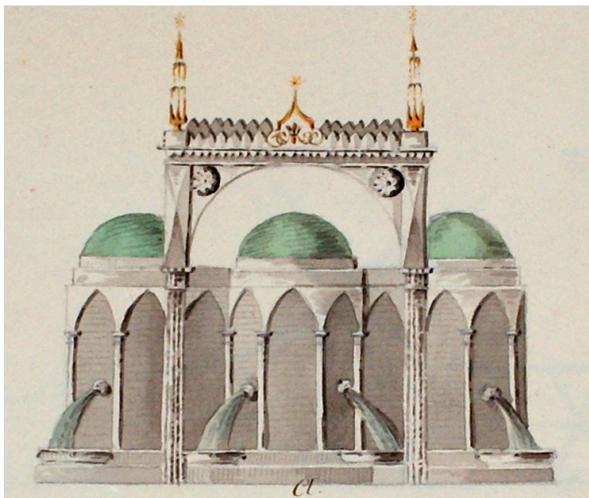

Рисунок 6. «Готическая аркада»

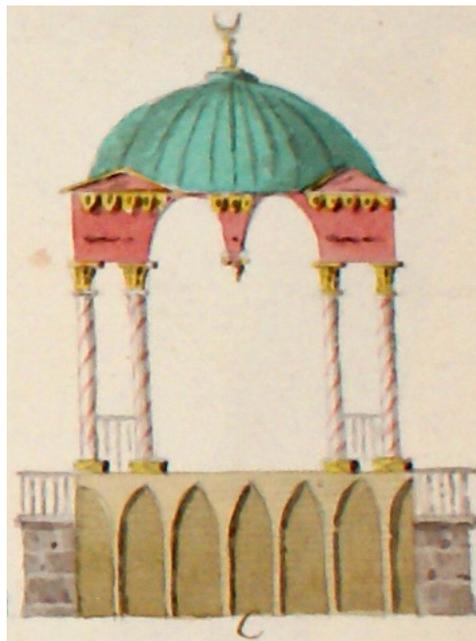

Рисунок 9. «Турецкий павильон»

Рисунок 7. «Русский шалаш»

Рисунок 10. «Павильон в пальмах»

Рисунок 8. «Сибирский балаган»

Рисунок 11. «Китайский пагод». Вариант: Китайская пагода

театрализация пространства праздника. Веселящийся народ со своей стороны мог рассматривать богато одетых дворян, едущих в каретах или стоящих на разукрашенных галереях. Центральная площадь отделялась от дороги земляным парапетом, который, как писал В.П. Стасов в объяснении к своему проекту, служил «для народа за Конопе». То есть невысокая земляная насыпь, окружавшая овал внутреннего пространства, становилась своеобразным диваном, сидя на котором народ мог следить за происходящим¹³. Итак, «здесь все носило характер зрелища» и каждый мог наслаждаться им как умел.

Какой же могла быть кульминация этого «спектакля»? Несомненно, это должно было быть явление императора перед своими подданными. С того момента, когда он появлялся на празднике, все внимание присутствующих сосредотачивалось на его персоне. По описаниям очевидцев отношение народа к новому царю было очень теплым и даже трогательным. Стоит отметить также, что общение это было непосредственным. Какого-либо специального павильона для императора, как это было во время проведения народного праздника при последующих коронациях, построено не было. Лишь посреди поля, как уже говорилось, была проложена отдельная дорога для «Высочайшей фамилии». Общение императора и его подданных продолжалось три часа. И это тоже было своеобразным претворением идеи равенства, однако, равенства иного свойства. Возникает аналогия со вступлением на престол вновь избранного византийского василевса, который также должен был непосредственно общаться со своими подданными в момент провозглашения его императором. Овальная форма пространства, предназначенного для праздника, поразительным образом напоминает константинопольский ипподром, на котором обычно и происходило коронование властителей Византийской империи. Использование подобной формы не являлось в то время уникальным. Вспомним овальную площадь, возможно пред-

назначенную для подобных торжеств, в проекте Кремлевского дворца архитектора В.И. Баженова. Позднее другой зодчий – Н.А. Львов, разрабатывая проект сада Безбородко в Москве, ввел в пространство этого сада ипподром.

Аллюзия на Византийскую империю не случайна. Достаточно вспомнить знаменитый «Греческий проект» Екатерины II, Как известно, она дала своим внукам имена Александр и Константин, принадлежавшие великому полководцу античного мира и римскому императору, основателю будущей столицы Византийской империи, которую русская императрица мечтала отобрать у турок, чтобы возродить это угасшее государство. Не забудем, что Александр I в манифесте о вступлении на престол в марте 1801 года недвусмысленно заявил о своем намерении продолжать политику екатерининского царствования.

Итак, программа народного празднества на Сокольническом поле, по-видимому, выражала идею единения всех сословий Российской империи в духе либеральных представлений эпохи на прочном имперском фундаменте перед лицом всего мира. Кто был автором этой программы пока неизвестно. Можно предположить, что в ее разработке принимал участие сам Александр I и разделяющие его идеи, близкие к нему люди. Как мы постарались показать, художественное оформление праздника для народа вполне отвечало этим идеям. Не случайно Стасов в награду за выполненную им работу получил право продолжить свое архитектурное образование за границей. В XIX веке праздник для народа по-прежнему оставался постоянным элементом коронационных торжеств. Он сохранил все свои основные черты и все также выносился за пределы города, хотя и менял место пребывания. Менялась раз от разу и его программа. Однако разработанное в 1801 году В.П. Стасовым архитектурное оформление народного праздника в честь коронации Александра I осталось явлением уникальным [31, с. 286–288].

8.08.2012

¹³ Заметим попутно, что «Конопе» Стасова отдаленно напоминает дерновые скамьи (сиделки) усадебных садов.

Список литературы:

1. Камер-фурьерский церемониальный журнал. – 1797, апрель – июнь.
2. Пилявский, В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор. Художник / В. И. Пилявский. – Л. : Стройиздат, 1981.
3. Storch, H. Russland unter Alexander dem Ersten / H. Storch. – Vol. 1. – 1804.
4. РГАДА. Ф. 192, оп. 1, д. 170.

5. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-коллежского вала). – М. : Искусство, 1998.
6. Любимов, Н. А. В ожидании коронации : венчание русских самодержцев : церковный обряд коронования и подробное описание трех коронаций нынешнего столетия : по свидетельствам очевидцев и официальным данным / Н. А. Любимов. – Санкт-Петербург : типография В. С. Балашева, 1883.
7. Пилявский, В. И. Итальянские документы В. П. Стасова / В. И. Пилявский // Труды ЛИСИ («Архитектурная практика и история архитектуры»). – Л.-М., 1958. – № 21.
8. Пилявский, В. И. Стасов архитектор / В. И. Пилявский. – Л. : Госстройиздат, 1963.
9. Домшлак, М. И. Архитектура старинного праздника / М. И. Домшлак // Декоративное искусство. – 1965. – № 12.
10. Свирида, И. И. Театральность как синтезирующая форма культуры XVIII века / И. И. Свирида // XVIII век : Ассамблея искусств : Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века : Сб. статей. – М. : Пинакотекa, 2000.
11. Швидковский, Д. О. Восток-Запад в архитектуре эпохи просвещения. Шинуазри / Д. О. Швидковский // Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. – Вып. 1. – М., 1992.
12. Докучаева, О. В. Искусственные руины в русских увеселительных садах второй половины XVIII – начала XIX в. / О. В. Докучаева // Русская усадьба. – Вып. 5 (21). – М.: «Жираф», 1999.
13. Евангулова, О. С. Страны и народы мира в художественной Вселенной усадьбы / О. С. Евангулова // Русская усадьба. – Вып. 5 (21). – М. : «Жираф», 1999.
14. Евангулова, О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы / О. С. Евангулова. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.
15. Громан, И. Г. Собрание новых мыслей для украшения садов и дач, во вкусе, Англинском, Готтичском, Китайском; для употребления любителей Англинских садов и помещиков, желающих украсить свои дачи / И. Г. Громан. – М., 1799.
16. Лихачев, Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. – СПб. : Наука, 1991.
17. Иконологический лексикон... с французского переведен... Иваном Акимовым. – СПб., 1763.
18. Карамзин, Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении (1793) / Н. М. Карамзин // Избр. соч. в 2 т. – М.-Л. : Художественная литература, 1964. – Т. 2.
19. Писарев, А. А. Начертание художеств или правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре с присовокуплением разных отрывков касательно до художеств, выбранных из лучших сочинений / А. А. Писарев. – СПб., 1808.
20. Лем, И. Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре с объяснением правил Витрувия, Палладия, Серлия, Виньольи, Блонделя и др. В 3 частях / И. Лем. – М., 1806. – Ч. 1.
21. Кириченко, Е. И. Архитектурные теории XIX века в России / Е. И. Кириченко. – М. : Искусство, 1986.
22. Лем, И. М. Начертание древних и нынешнего времени разнонародных зданий, как-то : храмов, домов, садов, статуй, трофейных обелисков, пирамид и других украшений, с описанием как располагать и производить разные строения со знанием мер / И. М. Лем. – СПб., 1803. – Ч. 2.
23. Баженов, В. И. Слово на заложение Кремлевского дворца / В. И. Баженов // Мастера искусства об искусстве. – М. : Искусство, 1969. – Т. 6.
24. Лем, И. М. Начертание древних и нынешнего времени разнонародных зданий, как-то : храмов, домов, садов, статуй, трофейных обелисков, пирамид и других украшений, с описанием как располагать и производить разные строения со знанием мер / И. М. Лем. – СПб., 1803. – Ч. 3.
25. Вдовин, Г. В. Персона – Индивидуальность – Личность : Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века / Г. В. Вдовин. – М. : Прогресс-Традиция, 2005.
26. Сиповская, Н. В. Искусство к случаю / Н. В. Сиповская // XVIII век : Ассамблея искусств : Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века : Сб. статей. – М. : Пинакотекa, 2000.
27. Некрылова, А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища : Конец XVIII – начало XX века / А. Ф. Некрылова. – Л. : Искусство, 1988.
28. Москва в описаниях XVIII века / Подготовка текста, статьи С. С. Илизарова. – М. : Янус-К, 1997.
29. Карамзин, Н. М. Записки старого московского жителя. Избранная проза / Н. М. Карамзин. – М. : Московский рабочий, 1986.
30. Раппопорт, А. Г. Пространство театра и пространство города в Европе XVI–XVII веков / А. Г. Раппопорт // Театральное пространство : Материалы научной конференции ГМИИ им. А. С. Пушкина (1978). – М., 1979.
31. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. – Москва, 1998. – Кн. 5.

Сведения об авторе: **Валявин Дмитрий Константинович**, научный сотрудник
музеев Московского Кремля, аспирант кафедры истории отечественного искусства
Московского государственного университета

103073, г. Москва, Кремль, ФГБУК ГИКМЗ «Московский Кремль», e-mail: wodyanoj@yandex.ru

UDC 72.035.2; 7.035.2

Valyavin D.K.

E-mail: wodyanoj@yandex.ru

THE PROGRAM DESIGN OF THE NATIONAL HOLIDAY IN HONOR OF THE CORONATION OF ALEXANDER I AND ITS SOURCES

The study covered to the national holiday, arranged in September 1801 in Moscow in honor of the coronation of Alexander I. An attempt to clarify the origins and content of the program shaped architectural design festive space.

Key words: architecture of small forms, manor culture, theatricalization, national holiday, coronation.